В ПАМЯТЬ О В.И. КАНДРОРЕ

«Уходят вдаль московских улиц ленты, С Москвою расстаются москвичи»

Уход Вилена Иосифовича Кандрора был ожидаемой потерей — годы, болезни... но от этого уход не стал менее болезненным. Удивительно гармоничный человек, эрудит с бесконечным чувством юмора, человек с потрясающим чувством русского языка — бессменный член редколлегии «Проблем эндокринологии», научный редактор, талантливый переводчик, благодаря которому нам становилась известной вся англоязычная литература по эндокринологии с середины 60-х годов прошлого века и до начала века нынешнего, остроумный член диссовета, неожиданные вопросы которого всегда касались существа вопроса — все это грани его жизни, его деятельности.

Вилен Иосифович родился и вырос в академической семье и от своих родителей унаследовал не только способности, но и долголетие: сам он всего несколько месяцев не дожил до девяностолетия, тогда как папа и мама лишь 4 года не дотянули до столетия. Побить рекорд родителей ему, вернее всего, помешала страсть к папиросам «Беломорканал», которые он курил почти одну за другой. Ему единственному, несмотря на строгие запреты, разрешали, стоя у открытого окна, курить на заседаниях редколлегии журнала, в работе которого он принимал активное участие.

В далекие же 1970-е, когда Институт экспериментальной эндокринологии и химии гормонов только начинал свое развитие, а клинические отделения размещались над лабораторным этажом, Вилен Иосифович работал в лаборатории патофизиологии эндокринной системы, и его основные работы были посвящены патофизиологии тиреотоксикоза и механизмам развития тиреотоксического сердца.

Само понятие «медицины, построенной на доказанном» тогда не существовало, но на семинарах, проводимых Кандрором, доминировала идея, скажем так, «просвещенного скептицизма», особенно доставалось модному тогда препарату АТФ, введение которого украшало лист назначений при различных болезнях эндокринной системы.

«Ваша АТФ разрушается на кончике иглы неспецифическими АТФазами» — вердикт патофизиолога и одновременно урок критического осмысления реальной эффективности лечения, и таких уроков было много.

Впереди нас ждали непростые годы становления эндокринологии, пересмотра бытовавших представлений и преодоления разных оставшихся от прошлого мифов, в первую очередь в тиреоидологии.

Чернобыльская катастрофа привлекла внимание к проблеме йодного дефицита в России и в других странах постсоветского пространства, и в непростой борьбе за ликвидацию йодного дефицита помощь Вилена Иосифовича трудно переоценить.

При поразительной энциклопедичности знаний он обладал невероятно легким характером и дружелюбием, оставаясь в душе, наверное, все тем же студентом 1-го МОЛМИ эпохи первых КВНов, одним из авторов щемяще прекрасного гимна медицинской юности с ее уверенностью в том, что «примут нас

с надеждой и любовью клиники, больницы, роддома». Удивительно, что английский язык он знал прекрасно, но, как многие люди его поколения, только в форме письменного перевода, а для выступлений на международных конференциях старательно писал английские слова русскими буквами, а потом заучивал их почти наизусть.

И хотя жизнь Вилена Иосифовича прошла в лабораториях научного центра, а не у постели больных, она была посвящена совершенствованию работы врачей и тем самым — реализации надежд клиник и больниц.